

1. День царя Алексея Михайловича.

I.

В Кремле, этой дворцовой крепости, обведенной зубчатыми стенами с башнями и стрельницами и окопанной глубокими рвами, которые существовали еще в исходе XVII ст., выселись палаты московских государей, живших в прежнее время в деревянных хоромы. В начале XVI ст. они были разобраны, и на месте их

итальянские зодчие выстроили каменный дворец, сохранив, однако, в этой новой постройке все условия старинного русского быта. И в новом здании были избы, горницы, кletи (холодное, летнее помещение избы), гридни (столовая, парадная комната для приема гостей), передние палаты, терема, подклетки (нижний этаж, где помещались людские, кладовые, хранилась казна), чуланы (последнее название носили тогда вообще все жилые покои). Каждая комната в дворцовом здании составляла как бы отдельное помещение, имея свои сени, и соединялась с другими частями жилья крытыми холодными переходами. Нижний этаж или подклеть нового дворца была со сводами, и под нею были устроены погреба и ледники. При дворце были две церкви: одна — Благовещения „на сенях“, а другая — Преображения, среди двора. Дворец этот сгорел 27-го июня 1547 г., но был снова выстроен; вскоре он сгорел опять, и его отстроили вновь. В Смутное время он был ограблен и поляками, и русскими. Царь Михаил возобновил его, а сын Михаила, царь Алексей Михайлович, заботливый и распорядительный хозяин, распространил и украсил жилище своего отца. После этого дворец явился жилищем, соответствовавшим для того времени своему назначению.

Громадное каменное здание состояло из отдельных построек разной величины. Эти отдельные постройки соединялись, однако, в одно целое, теснясь плотно одна к другой или возвышаясь друг над другом. Каждая отдельная постройка отличалась какой-нибудь особенностью: на одной была крыша покатая, в виде скирда, на другой — в виде бочки, на третьей — в виде огромной луковицы, а на четвертой — в виде раскинутого, о двух полах, шатра, и вдоль заостренной верхушки этого шатра, а также по краям его скатов шли золоченые, с вычурными прорезями, высокие гребни. Над дворцом возвышались маковки, и золоченые, обитые блестящею жемчугом, и облитые оловом с разными выгиснутыми на нем узорами. Между этими маковками поднимались башни и башенки то с ровными, то с зубчатыми верхушками. Трудно было составить какое-нибудь отчетливое понятие о том, что такое был тогдашний кремлевский дворец, тем более, что глаза разбегались при взгляде на его отделку. Дворец представлялся какою-то пестрою громадою: не только какая-нибудь целая стена, но и отдельные ее части были окрашены в разные цвета с самыми разнообразными оттенками. Окна, не одинаковой величины, не были расположены правильными рядами, но как бы раскиданы в большом беспорядке. В одних из них были вставлены стекла, в других — слюда, расписанная разными узорами. В одних окнах были золоченые, в других — простые крашенные железные решетки.

Внешняя отделка дворца дополнялась поясами, то гладкими, то сделанными в виде крупных бус, колец, кружев или замысловатых трав и цветов. Украшения, то в виде дуги, то в виде треугольников, были над окнами, по сторонам которых стояли столбики, — в одном месте в виде кувшинчиков, а в другом — небольших четырехгранников, положенных друг на друга так, что под одним из них, обращенным наружу гладкой стороной, другой выступал острым краем. На стенах виднелись изображения

двуглавых орлов, единорогов, драконов и львов. Стены дворца пестрели изображением трав, цветов, разных птиц и небывалых на свете зверей, а также городками, зубчиками и ячейками. Орлы и единороги, вырезанные из жести, то раскрашенные, то позолоченные, поднимались над башнями. Такие же флюгарки, то в виде продолговатых цельных четверугольников, то с вырезанными в них клиньями и прорезанными в них узорами, были расставлены во множестве над крышами дворцовых строений.

Во дворец, с расстилавшейся перед ним площади, вела широкая каменная лестница с вызолоченными по сторонам ее балясами и такою же замыкавшею ее решеткою. Лестница эта называлась „красным крыльцом". На ней в день приезда бояр к государю толпились царедворцы в парчовых и бархатных фerezях, а с главной ее площадки дьяки (чиновники, служившие в приказах — тогдашних министерствах) прочитывали во всеуслышание царские указы, порою милостивые, порою грозные.

(„На высоте и на доле". Из сказаний XVII в. *Е. Карповича*.—„Московские люди XVII ст." *Его же*).

II.

Четыре часа утра. Над Москвой чуть-чуть забрезжили первые признаки рассвета. Город уже просыпается: отпираются лавки; рыночная площадь перед Кремлевской стеной — теперешняя Красная площадь — наполняется шумной, пестрой толпой. Тут торговцы, торговки, холопы празднующиеся, — „гулящие" или „вольные" люди. Вся площадь заставлена вытянутыми в ряды лавками, а в стороне — между Василием Блаженным и Кремлевской стеной — особое отделение для бранобреев и цирюльников. Сюда ходили тогдашние московские франты стричься и бриться под открытым небом. Эта площадка постоянно была устлана в то время таким толстым слоем остриженного волоса, что по нем также мягко было ступать, как по подушке.

К 4-м часам утра вся площадь уже в полном движении. Шум стоит невообразимый. Особенно отличается по части шума и суеты женский пол. Лишь только, — говорить очевидно, — соберутся москвитянки на площадь со своими полотнами, нитками и кольцами, они тотчас поднимают такие пронзительные крики, что непривычный человек может подумать, не горит ли город.

Время от времени толпа расступается, чтобы пропустить боярский поезд. В тяжелых колымагах ¹⁾, запряженных гуськом и окруженных бояр-

Старинная колымага.

¹⁾ Закрытый летний экипаж на высоких колесах. Внутри обит бархатом или сукном; по бокам накрыт занавесями, суконными или шелковыми, который плотно пристегиваются к краям экипажа, так что ветер не может

скими холопами, собираются бояре во дворец на утренний поклон государю. Колымаги с грохотом трясутся по большим круглым бревнам, которыми тогда были вымощены московские площади и улицы.

В это время начиналась дневная жизнь и в царских хоробах. Царь Алексей Михайлович вставал в 4 часа утра. Постельничий и спальник убирали государя, т. е. помогали ему одеваться. Умывшись, царь тотчас же выходил в крестовую палату, где его ждал крестовый поп и крестовые дьяки. Крестовая палата — это молельня с высоким иконостасом, уставленным иконами. К приходу царя весь иконостас сияет от множества восковых зеленых и красных свечей. Царь становится перед аналоем и, надев большие очки в золотой оправе, совершает молитвенное правило. Духовник окропляет царя св. водой, которая свозилась для этого во дворец из разных церквей и монастырей, иногда очень отдаленных, где были прославленные чудотворные иконы. Пока царь, окончив молитвы, прикладывается к иконам, „ближний человек" идет в хоромы к царице спросить ее от имени царя „о здоровье", хорошо ли она почивала. Затем сам царь выходит здороваться с царицей, и они вместе отправляются в домашнюю дворцовую церковь слушать заутреню.

Между тем в передней палате уже давно, с раннего утра, толпятся в ожидании царского выхода бояре, окольные, думные дворяне и ближние люди (придворные чины) в длинных, до пят, кафтаных, голубо-фиолетового, темно-коричневого и темно-зеленого сукна, с широкими откиннутыми назад воротниками, унизанными золотом и жемчугом. Длиннейшие рукава этих кафтанов в множестве складок ниспадали до самого пола, так что боярину не раз стоило большого труда высвободить из-под рукава свои руки. На боярах надеты меховые шапки, вышиною в $\frac{3}{4}$ аршина, из черной лисицы или соболя с небольшой меховой опушкой. Некоторые бояре держат в руках куличи. Это — бояре - именинники, всегда приветствующие царя на утреннем выходе таким подношением. Но вот растворяются двери внутренних покоев, и пред боярами являются, как говорили тогда, „пресветлые государевы очи". Вся толпа, как один человек, мгновенно падает ниц. Это называется „бить челом государю". Некоторые бояре таким же челобитием благодарят при этом царя за оказанные им царем особенные милости, стараясь превзойти друг друга в усердии поклонов.

Сопровождаемый боярами, царь шествовал в собор к поздней обедне, продолжавшейся два часа. Иностранцы наблюдатели с изумлением передают о молитвенных подвигах Алексея Михайловича: он выстаивал в церкви часов по 5, по 6 сряду и клал по тысяче земных поклонов, а в большие праздники — и по полуторы тысячи. Выход царя в церковь к поздней обедне — это одна из самых важных минут ежедневной царской жизни. Бояре окончили

распахнуть их. Иногда в занавесах устраивались дверцы с маленькими слюдяными окошечками, которые тоже задерживались занавесками. В колымагах не было сиденья для кучера: он ехал рядом верхом или шел пешком.

свои челобитья и все, гурьбой, вслед за царем выходят на дворцовое крыльцо. От крыльца до кремлевских соборов растягивается целое шествие. Воздух наполняется звоном: гудят кремлевские колокола. Царь подвигается обыкновенно пешком, иногда в карете, зимою — в санях. Это

Рынды — царские телохранители.

были большие нарядные сани, раззолоченные, расписанные красками, обитые персидскими коврами. Одеяние государя при этих выходах было различно, смотря по времени года и по значению дня. Летом он шел в легком шелковом опашне и золотной шапке с меховым околком; зимой — в шубе и горлатной лисьей шапке. В двенадесятые праздники государь облакался в наряд царский: он выходил в порфире, царском становом кафтане, короне, бармах и с царским жезлом в руках. Все это блистало золотом, серебром, драгоценными камнями. Самые башмаки, которые в это время надевал государь, были богато вынизаны жемчугом. Это был очень тяжелый на-

ряд, и вот почему в

подобных церемониях государя всегда поддерживали под руки стольники, а иногда и бояре. Окружая царя, шагают *рынды* — царские телохранители из сыновей знатнейших бояр, в ослепительно сверкающем наряде, все в белом, в длинных, подбитых горностаями кафтанах из серебряной ткани, с серебряными пуговицами до самых ног, в белых же сапогах с подковами, в белых бархатных шапках, усыпанных жемчугом. Каждый из них несет на плече большой топор, блестящий на солнце серебром и золотом.

Шествие замыкается отрядом *жильцов*, т. е. отборной дворянской гвардии. Жильцы тоже блистают яркими нарядными кафтанами. У каждого к плечам приделана для украшения пара золотых крыльев. Медленно и чинно подвигается шествие среди густой толпы любопытствующего народа.

В обыкновенные, будничные дни царь, вернувшись от обедни, шел во внутренние дворцовые покои и до обеда „сидел с бояры“,

т. е. рассматривал и решал с боярами разные государственные дела. Бояре рассаживались на лавках по чинам и по породе. По сторонам стояли думные дьяки или секретари и писаря; у каждого за ухом — гусиное перо, а на груди болтается привешенная за шнур чернильница. В неприсутственные дни „сиденье с бояры" заменялось торжественными приемами иностранных послов или высшего духовенства, с патриархом во главе, приносившим государю праздничная поздравления. Иностранных послов всегда старались принимать с особенною пышностью. Их умышленно хотели поразить богатством русской страны, многочисленностью русского войска. Приезд посла всегда сулил народу любопытные и красивые зрелища.

Покончив с делами и торжественными приемами, царь шел „к столовому кушанию". Алексей Михайлович был необычайно воздержан в пище, был строгим постником. Его обычный обед поражает своей простотой и невзыскательностью. Это — простой крестьянский обед. Ржаной хлеб, овсяная брага, легкое пиво — вот и все. Но когда наступало время постов, царь совершал настоящие чудеса воздержательных подвигов: во время постов, по вторникам, четвергам и субботам царь ел только однажды в день — сырую капусту, соленые огурцы и ягоды, все без масла, а по понедельникам, средам и пятницам совсем лишал себя пищи — не ел и не пил ничего. Тем не менее, на царский стол ежедневно подавалось до 70-ти блюд. Все это рассылалось царем заслуженным боярам в виде особой милости.

После обеда царь или ехал на Девичье поле „тешиться" соколиной охотой, до которой он был страстный любитель, или засыпал часа на три до вечерен. Вечер посвящался семейным беседам и развлечениям.

(„День даяр Алексея Михайловича. Сцены из жизни Москвы XVII в." *А. Кузеветтера*).

III.

Совсем стемнело. Вокруг дворца было тихо, — впрочем, и вообще-то, за исключением разве каких-нибудь особенных случаев, здесь соблюдалась, по возможности, тишина. Лошади и экипажи не должны были подъезжать к крыльцу, а останавливались на довольно значительном расстоянии, и все люди, имевшие доступ во дворец, приближались к нему пешком и сняв шапки. Бояре, окольные, думные и ближние люди имели право входить в „верх", т. е. в жилые хоромы государя. Здесь они обыкновенно дожидались, как мы видели, выхода государя, в „передней". Эта передняя была заветной мечтой очень многих родовитых и заслуженных людей, которые нередко били челом государю, униженно моля его, за их и родительские службишки, наградить их — позволить быть в передней. Люди же, не столь близкие к особе государя, — стольники, стряпчие, дворяне, стрелецкие начальники и дьяки, — не смели и помыслить о „верхе" и передней. Они собирались на „постельном крыльце", где постоянно была изрядная толкотня, и редкий день обходился без какой-нибудь крупной ссоры, разбирать которую приходилось часто самому государю.

Теперь, однако, благодаря вечернему часу, постельное крыльцо было почти пусто: на нем виднелись только три, четыре фигуры, мерно расхаживающие в полумраке. Это были старые дворяне, имевшие обычай толкаться у дворца до тех пор, пока их не попросят удалиться. Они хорошо знали, что никакой выгоды не получают от этого снования взад и вперед по постельному крыльцу, но каждый все же держал в мыслях: а вдруг, неровен час, его и заметят, да и пожалуют; а не то, так все же придется новость какую-нибудь интересную услышать, которую можно будет потом разнести по городу со всевозможными прикрасами. И они ждут час за часом, почтительно пропуская мимо себя счастливых, отправляющихся в „верх“, переговариваются с дворцового прислугою, следят за сменяющимся караулом, всюду во дворце расставленным, голодают и дрожать от холода...

Вот и зимняя ночь уже совсем наступила. Мраком закуталось причудливое дворцовое здание со своими роскошными парадными палатами. Вот полоса яркого света блеснула с лестницы, ведущей в государевы покои. Туда, туда бы пробраться, хоть глазком одним взглянуть, что там творится. Но лестница заперта медною золоченою решеткою.

Небольшие, уютные хоромы царя освещены восковыми свечами, вставленными в стенные подсвечники. Стены и потолки обшиты красным тесом и изукрашены тонкой столярной резьбой, а некоторые обвешены яркими сукнами, атласами и парчю. Пол устлан мягкими восточными коврами, а в сенях и коридорах расписан красками в шахматах и под мрамор. Маленькие, по большей части еще слюдяные, окошки красиво расписаны, но теперь их не видно, так как время зимнее, морозное, и с наступлением вечера закрыты они изнутри втулками теплыми, стегаными. По углам хором — жарко натопленные печи изразцовый: синие и зеленые; некоторые из них четырехугольные, другие круглые. Все они снизу доверху по изразцам расписаны травами, цветами, людьми, животными и разным узорочьем. На стенах развешены листы *фряжские* (гравюры) и *парсуны* (портреты царские). Кругом стен расставлены, одна возле другой, лавки, покрытые шелковыми стегаными матрасиками. Кой-где видны между лавок немецкие и польские столы с кривыми резными ножками на львиных лапах; все они хитро разрисованы по золоту и серебру.

Обширнее всех покоев *передняя* да находящаяся рядом с нею — *комната*, т. е., по-нынешнему, кабинет царя. В передней, в углу, большое, обтянутое парчю, кресло на возвышении, — это *царское место*. В комнате, в переднем углу, под образами, тоже большое кресло, но не на возвышении; перед креслом — стол письменный большого размера, покрытый тонким алым сукном с золотою бахромою. На столе — часы заморской работы, изображающее рыцаря в полном вооружении, серебряная чернильница с песочницею и трубкою, где перья мочить. Вокруг чернильницы разложены: перья лебязьи, серебряный свисток с финифтью, заменяющий колокольчик, перочинный ножик, карандаши в серебряной оправе, зубочистка и ухвертка. Далее, клеельница с клеем: это — вещь очень необходимая, так как бумага в то время резалась на столбцы, которые по написании подклеива-

лись один под другой. Потом, тут же на столе „Книга Уложенная“, т. е. „Уложение“. Книга эта довольно истрепана от частого употребления покойным государем и уже хорошо знакома молодому царю Алексею Михайловичу. Возле письменного стола — другой маленький стол с шахматною доскою и костяным шахматным ящиком. По стенам комнаты, где нет лавок, поставцы с полками и выдвигаемыми ящиками: тут хранятся бумаги, письма и любимые вещи царя, его нарядные платья, драгоценные изделия золотые, иноземная монета. Кроме того, в комнате — большая книгохранилищница со многими книгами, главным образом духовного содержания, да несколько длинных висячих полок с золотою и серебряною посудою иноземной работы. Посуда эта — по большей части дары иностранных государей и послов. И каких, каких фигур тут нету! Вот *немка* золоченая серебряная: держит она в руках сосудец с крышкою; другая *немка* — с лоханкою в руках, третья — с ведром; кубок золотой, в виде крылатого змея, расписан весь финифтью, а глава змеиная — изумруд большой, в глазах яхонт, а во рту держит змей голову человечью. Вот медведь, вот слон, кораблик на колесах, — и не перечеть всех фигур затейливых.

В этой же царской комнате накрыть теперь небольшой стол для ужина. Царь очень часто даже и обедает здесь с двумя, тремя из людей самых близких. В передней давно его ждут Борис Иванович Морозов, Назар Чистой да князь Прозоровский.

Показался наконец и Алексей Михайлович вышедший из сестриных хором.

— Не взыщите, задержал вас, — сказал он, обращаясь к присутствующим. — Чай, проголодались, да и самому есть хочется, — пойдемте!

Морозов подал знак дежурному стольнику, и все вошли в комнату. Алексей Михайлович, еще не подходя к столу, приблизился к иконам и, опустившись на колени, набожно крестясь и кладя земные поклоны, громко произнес молитву, слова которой за ним повторили и Морозов с товарищами; потом чинно приблизился к столу, перекрестил свой прибор и уселся на лавку. Стольник поставил перед ним кусок ржаного хлеба с солью, тарелку с солеными грибами и огурцом и маленькую жареную рыбу. Но прежде чем царь прикоснулся ко всему этому, подошел кравчий и отведать всего по кусочку. Без этой церемонии, по издавна заведенному обычаю, царь не мог приступить к еде: необходимо требовалось очевидное доказательство, что в кушанье не было подмешано никакой отравы или зелья. Вслед за кушаньями государя стали вносить множество блюд. Тут были всевозможные пироги, заливные, разные тельные, а потом и похлебки. Государь равнодушно взглядывал на каждое из этих кушаний и приказывал ставить их то перед боярином Морозовым, то перед Назаром Чистым, то перед князем Прозоровским; большинство же блюд уносилось нетронутыми и поступало в распоряжение дворцовой челяди. Ужин продолжался в глубочайшем молчании. Но вот государь насытился и подал знак стоявшему за ним чашнику.

— Государь великий, чего твоей милости угодно? — проговорил чашник.

— А дай-ка мне кваску да меду сладкого, — сказал Алексей Михайлович.

Чашник засуетился, налил из двух кубков, с квасом и медом, немного в ковш, сам попробовал, а кубки поставил перед государем. Собеседники же царские прилебывали в это время старое заморское вино и то и дело повторяли: „За здравие твое, государь!”

Мало-помалу Алексей Михайлович разговорился.

— Что это, — никак у нас нынче тихо на крыльце постельном? — с улыбкой заметил он. — Видно, никого нету, а то уж наверно ссоры бы затеяли.

— Да некому нынче и быть, — ответил Морозов, — день не такой, да и поздно.

— Ну, а что же вчерашний-то шум? — перебил его Алексей Михайлович, обращаясь к Прозоровскому. — Что там такое вышло? Расскажи на милость.

Прозоровский поставил на стол свой кубок, вытер усы и борю и заговорил:

— А дело все то же, что и всегда: схватился князь Евфим Мышецкий с Федором Нащокиным и Иваном Бужаниновым... и бьет он теперь челом тебе, государь, и самое то его челобитье со мною.

— Ну, покажи, прочитай зараз уж, а мы послушаем, — сказал Алексей Михайлович и слегка зевнул, закрывая рот своей белой рукой.

Князь Прозоровский вынул из кармана сверток бумаги и начал читать:

„Бьет челом холоп твой Еуфимка Мышецкий на Федора Васильева, сына Нащокина, и на Ивана Иванова, сына Бужанинова, что они нас, холопов твоих, и родителей наших бесчестили: Федор Нащокин называл нас, холопов твоих, всех холопами боярскими и коноховыми детьми на постельном крыльце, передо всеми; а Иван Бужанинов на постельном же крыльце называл меня, холопа твоего, дьяком, а детишек моих — подьячими и ворами, и подписчиками, будто мы подписывали воровские грамоты...”

— Довольно! — перебил государь. — Известное дело, дальше то же самое, только на лады разные. Уж и как мне все эти ссоры да челобитные надоели! Грызутся люди...

— А вот что, государь, — заметил Морозов, — раз навсегда всех этих молодцов, и старых, и малых, проучить нужно. Привычны они, что, как подерутся или погрызутся, так сейчас и к государю, а царь их слова дерзкие и срамные слушай да мири их. Приказать бы, государь, князю Семену Васильевичу (он указал на Прозоровского), да еще кому ведаешь, сделать обыск по этому самому делу, а потом повести его по суду, — пускай князь Мышецкий ищет судом свое бесчестие.

Царь задумался.

— Ладно ли так? Больно обидится: ведь тут он что пишет? „Родительское бесчестие”, говорит, — так в делах таких, сам ты, Иваныч, не раз мне сказывал, суда не бывало.

— Точно, обидится, — сказал Назар Чистой, — только на это что же смотреть? Это боярин Борис Иваныч верно молвил, — надо бы отучить иди к государю со всякой дрянью... Пусть себе обидится

князь Мышецкий, — не велика важность, — зато другой вперед будет обдумчивее.

— Быть по-вашему, — решил Алексей Михайлович и начал вставать из-за стола.

Простясь с Прозоровским, Алексей Михайлович прошел в *крестовую* или моленную, сопровождаемый своими неизменными спутниками: Морозовым и Чистым. Очередной священник давно уж поджидал государя в крестовой и, только что взошел он, начал привычным монотонным голосом читать вечерние молитвы.

Алексей Михайлович, пройдя на свое постоянное место, сейчас же стал класть земные поклоны и долго потом стоял на коленях на небольшой *поклонной колодочке*, т. е. низенькой скамейке, обитой узорчатым восточным бархатом и обшитой позументом. Никогда никакое утомление или разнообразие дневных впечатлений не мешало ему проводить, пред отходом ко сну, около часа в крестовой. Он неустанно и благоговейно слушал молитвы и чтение Златоуста сборника учительных слов, расположенных по дням года.

Тихо и мирно в крестовой. Богатый иконостас, в несколько ярусов, занимает всю стену. Из-за золота и тонкой резьбы в полусвете выделяются лики Спасителя, Богородицы, Крестителя и угодников. Рука царя привычным движением творит крестное знамение, а взоры бродят и останавливаются на богатых золотых ковчежцах, расставленных в углах, у самого иконостаса и по стенам крестовой. В этих ковчежцах хранятся: смирна, ливан, меры Гроба Господня, свечи воску ярого, выкрашенные зеленою краскою и перевитые сусальным золотом. Свечи эти были зажжены от огня небесного в Иерусалиме в день Пасхи и погашены вскоре, чтобы хранить их, как святыню. Тут же части мощей, зуб святого Антония, часть камня, павшего с неба, камень от Голгофы, от столпа, у коего Христос мучим был, от того места, где он молился и говорил: „Отче наш!“, от Гроба Господня, песок реки Иорданской, часть от дуба мамврийского, финики с того места, где был Моисеев жезл, и многое множество святыни, присланной в разные времена патриархами и поднесенной царю русскими богомольцами. Рядом с ковчежцами поставлены пузырьки со святою водою и чудотворными монастырскими медами, восковые сосудцы с водою реки Иордана.

Тихо и мирно в крестовой. Лампады льют свой теплый неугасимый свет. Набожно кладут поклоны Морозов и Чистой в уголку у входной двери. Мерно звучат слова священника. Легкий дымок душистого ладана ходит по крестовой и пробирается сероватыми струйками по верхам лампадок к самому иконостасу и туманит святые лики.

Но вот вечерние молитвы кончены, слово Златоуста прочитано. Священник закрывает книгу, — тихо шелкают серебряные застежки... Алексей Михайлович медленно и задумчиво идет по коридорам и переходам дворцовым, слабо освещенным восковыми свечами, усыпанным по полу мелким просеянным красным песком. Коридорчики и переходы эти почти пустынные, только там и здесь в уголках виднеются неподвижные фигуры стражников с тускло блестящим при огне оружием.

Войдя в опочивальню и заметив дождавшегося там спальника,

царь сказал ему, что он может удалиться, что нынче никого не нужно, кроме Бориса Ивановича. Спальник низко и молча поклонился государю, с невольной завистью взглянул на Морозова и тихо вышел из опочивальни.

Борис Иванович, привычным взглядом окинув знакомую комнату и убедясь, что все в порядке, подошел к огромной царской кровати, бросавшейся в глаза яркой позолотой точеных столбов своих. Он отдернул тяжелые шелковые, затканые золотом, занавеси балдахина и высоко взбил подушки; затем подошел к большому кипарисовому сундуку, стоявшему в углу опочивальни. В этом сундуке хранилось белье царское, и он составлял вещь неприкосновенную; ключи от него должны были храниться у самого доверенного лица, которое, в случае чего, и было в ответе. А ответ не раз случался, и не малый. Царское белье! Это то же, что еда и питье: мало ли каким способом посредством белья можно нагнать лихо на человека! Сорочку заговорить можно, зельем осыпать, — через нее всякую болезнь, всякую беду пустить на государя.

Сорочка вынута. Царь перекрестился, приложился к образу у кровати и начал раздеваться с помощью Морозова. Он с видимым удовольствием погрузился в мягкую перину, вытянулся во всю длину ее, до самого подбородка укрылся стеганным шелковым одеялом и закрыл глаза...

(„Касимовская невеста". Истор. ром.
Вс. Соловьёва).

Ночной сторож на дозоре.

трудящиеся и мирные обыватели погашены. Москва спит...

Засыпала в это время и вся Москва. Выходили на свой дозор ночные сторожа; по улицам расставлялись рогатки, чтобы не пропускать воровских и буйных людей; по Москве пускались в объезд „объезжие головы" дозором смотреть, нет ли где драки и ночного буйства, не горит ли в каком доме огонь, и не топят ли бани, — это строго запрещалось в ночное время во избежание пожаров. Много дела объезжим головам для охранения мирно спавших граждан, — то и дело встречаются они шумные толпы воровских людей с дубьем и плетью. Но все спешат ко сну. Дома заперты, огни